

Эффективность санкций на примере опыта Ирана

Научный руководитель – Мальцев Андрей Александрович

Бельдягина Анна Михайловна

Аспирант

Уральский государственный экономический университет, Институт экономики,
Екатеринбург, Россия

E-mail: beldyagina.a@gmail.com

Во многих случаях считается, что военные инструменты являются единственным эффективным средством достижения амбициозных целей внешней политики, таких как захват или защита территории, изменение военного поведения государства или его государственного режима. Однако после Первой мировой войны экономические санкции стали рассматриваться как либеральная альтернатива войне. От кризисов с участием Лиги Наций перед Второй мировой войной до споров с участием Организации Объединенных Наций (ООН) сегодня, сторонники мнения утверждают, что экономические санкции зачастую могут быть столь же эффективными, как военная сила, но при этом являются более гуманными. Крупные мировые державы и ООН все чаще используют экономические санкции для достижения международных политических целей [5]. За период с 1966 г. Совет Безопасности ввел 30 режимов санкций в отношении следующих стран: КНДР, Судан, Мали, Ливия, Ирак, Иран, Ангола и т.д., а также в отношении организации ИГИЛ и «Аль-Каида». В настоящее время действует 14 режимов санкций, нацеленных на регулирование политических, вооруженных и террористических проблем [3]. Но так ли на самом деле эффективны экономические санкции?

В качестве примера рассмотрим экономику Ирана, которая была вынуждена существовать в климате множественных ограничений - начиная с запретов на ведение бизнеса в стране и заканчивая почти тотальной финансовой и торговой блокировкой. Санкции серьезно ограничивали развитие экономики государства, включая машиностроение, легкую промышленность, фармацевтику и т.д. Однако Ирану не только удалось остаться на плаву, но и стать значимым игроком во многих отраслях.

Антииранские санкции принято разделять на два этапа: односторонние санкции США в период с 1979 по 2005 г., и многосторонние санкции с 2006 г. по настоящее время. Примечательно, что последовательное расширение и ужесточение санкций также последовательно отразилось на экономике Ирана - государство начало к ним приспосабливаться. После ввода в конце 90-х эмбарго на закупки иранской нефти, страна не только сумела компенсировать американский рынок поставками в Азию, но и отправляла нефть на Карибские острова, откуда она в переработанном виде возвращалась в США. После перекрытия кислорода инвесторам нефтегазовой отрасли Ирану неоднократно удавалось привлечь инвестиции в этот сектор - удалось обойти запрет многим крупным компаниям («Тоталь», «Петронас», «Газпром»), были построены экспортные газопроводы в Армению и Турцию [1].

По настоящему суровым испытанием стал 2010 г., когда ЕС совместно с США наложили санкции, охватывающие почти все системообразующие сферы государства, но и тут Иран смог выстоять, чему способствовала предприимчивость и уникальная государственная политика. Вскоре после наложения санкций слово «джихад» приобрело для мира новый смысл, когда Высший руководитель Ирана Али Хаменеи начал «экономический джихад» или иными словами «экономику сопротивления». В 2014 г. Лидер страны выступил перед высшими должностными лицами, представителями бизнеса, научных центров

и средств массовой информации с сообщением, в котором обозначил десять особенностей комплексной программы «экономического джихада». Его заявление призвало страну сократить потребление энергии; увеличить внутреннее производство по ряду основных товаров; повысить продовольственную и медицинскую безопасность; рационально потреблять средства первой необходимости для поддержки беднейших слоев населения; поощрять иностранные инвестиции для увеличения не нефтяного экспорта; взять курс на создание инновационной экономики [4].

Санкции привели сначала к сокращению, а потом и к полной остановке импорта из США, однако Иран не отказался от американской продукции и наладил посреднические отношения с «черными рыцарями» - ОАЭ, Турцией, Индонезией и Бразилией. Государство в целом переосмыслило прежние приоритеты и начало активное экспортное сотрудничество с азиатским направлением - Индией, Китаем, Турцией. Запрет на продажу сырой нефти стал поводом для еще большего развития внутри страны нефтепереработки и нефтехимических производств (доля Ирана в мировом производстве нефтехимической продукции увеличилась с 2,26% в 2013 г. до 2,50% в 2018 г.) и увеличения их доли в структуре экспорта (экспорт мазута в 2012 г. превысил 1,1 млн т.) Изолирование от финансовой системы (в том числе запрет в 2012 г. работы через систему SWIFT) заставило государство вернуться к проверенному средству платежа - золоту. Платежи в виде этого благородного металла производятся с Турцией и Индией. Обойти блокировку иранских долларовых счетов удалось наладив расчеты в валютах стран-партнеров и практикуя бартерные сделки (например, с Китаем) [2].

Безусловно, нельзя недооценивать серьезность экономических санкции как ограничительного инструмента, способного нанести значительный ущерб стране-мишени. Вместе с тем санкции далеко не идеальное оружие, и их эффективность зависит от слишком большого числа факторов. Именно эти факторы позволили экономике Ирана в течение долгого времени выживать в условиях санкционного бремени и по возможности сгладить его негативный эффект.

Источники и литература

- 1) Комшуклова, О.В. Санкции в отношении Ирана: цели и последствия // ЭСПР. 2016. №2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-v-otnoshenii-irana-tseli-i-posledstviya>
- 2) Лосев, А. Как экономика Ирана выживала в условиях санкций // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2015/09/22/609730-ekonomika-irana-vizhivala-sanktsii>
- 3) Официальный сайт ООН. Режим доступа: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information>
- 4) Bozorgmehr, N. Ayatollah Khamenei calls for 'economic jihad' in Iran // Financial Times. Access mode: <https://www.ft.com/content/b29fb1b8-996f-11e3-91cd-00144feab7de>
- 5) Pape, Robert A. "Why Economic Sanctions Do Not Work." International Security, vol. 22, no. 2, 1997, pp. 90-136. Access mode: www.jstor.org/stable/2539368